

Оглавление

1	6
2	57
3	78
4	116
5	162
6	188
7	217
8	229
9	239
10	256
11	274
12	288
13	325
14	349
15	368
Эпилог	375

Посвящается

Я посвящаю эту книгу памяти моих родителей:
Эрни и Одри, моим дедушкам и бабушкам: Тому и Агнес,
Эрнесту и Маргарет, а также тете Эми, Томми Томпсону,
Барбаре Адамсон, мистеру МакГо, Биллу Мастаджио,
Бобу Тейлору, Дону Эдди (Phoenix jazzmen),
Найджелу Стэнджеру, Джону Пирсу (Newcastle Big
Band), Кенни Киркланду, Тому Уайту и Ким Тёрнер.
Я вас никогда не забуду.

Большую часть своей жизни я писал песни, в которых сжато выражал свои мысли и чувства в коротких, наложенных на музыку рифмованных строках. Я никогда не думал, что напишу книгу. Однако после того как мне исполнилось пятьдесят лет, меня впервые в жизни стала привлекать работа над длинными текстами, которая показалась такой же стимулирующей и интересной, как работа над короткими песнями.

Вот так постепенно стала зарождаться книга «Сломанная музыка». Она о начальном этапе моей жизни, о детстве и юношестве до времен, когда группа the Police начала обретать популярность. Эту историю знают очень немногие.

Я не хотел писать традиционный автобиографический отчет о том или ином событии в моей жизни. Мне было интересно вспомнить кое-какие моменты, некоторых людей и наши отношения с ними, а также отдельные, важные для меня истории, чтобы понять, каким ребенком я был и каким человеком стал.

1

Зимний вечер в Рио-де-Жанейро, 1987 год. Идет дождь, на бульваре у Sorocabana Hotel ни души. Ровный асфальт блестит в свете фонарей. Мы с моей женой Труды стоим под зонтом, а над нашими головами в быстрых потоках воздуха смело парят две чайки. Вдалеке угрожающе ревет океан. У обочины останавливается маленький автомобиль. На переднем сиденье силуэты двух фигур, открывается задняя дверь.

Несколько ненавязчивых телефонных звонков, и мы получаем приглашение на религиозную церемонию в церкви, расположенной где-то в джунглях неподалеку от этого огромного города. На переднем сиденье мужчина и женщина. Они говорят нам, что церковь находится приблизительно в полутора часах езды от района Копакабана, там о нас позаботятся и вообще для волнений нет повода. Церковь, в которую мы едем, формально является христианской, хотя ее паства придерживается более синкретических религиозных взглядов и причащается древним снадобьем, известным под

названием аяуска¹, вызывающим удивительные и глубокие видения.

Мы едем на юг. Дождь усиливается, над окружающими город холмами бьют стробоскопы² молний, после чего раздаются раскаты далекого грома. В радостном предвкушении мы с Труды едем на заднем сиденье, но все же слегка взволнованы тем, что ждет нас. Водитель не сводит глаз с дороги. Я сижу прямо за ним: у него большая голова, широкие плечи, а когда он оборачивается, я вижу умное лицо с орлиным носом, очки в железной оправе и растрепанные каштановые волосы. Рядом сидит привлекательная девушка с темными длинными кудрями и открытой бразильской улыбкой. Она оборачивается и интересуется, удобно ли нам. Мы утвердительно киваем, но не хотим ни самим себе, ни нашим спутникам признаваться в том, что немного нервничаем.

Мы покидаем широкие бульвары города, и по мере того как роскошные отели Копакабаны уступают место хаосу фавел³ на склонах холмов, сверкающих в темноте, как рождественские елки, уличных фонарей становится все меньше. Вскоре асфальтовая дорога сменяется грунтовой, изрытой гигантскими выбоинами вперемешку с лежащими на земле мрачными неподвижными собаками, между которыми медленно и аккуратно маневрирует наш водитель.

---

¹ Напиток-отвар, энтеоген и галлюциноген, традиционно изготавливаемый шаманами индейских племен бассейна Амазонки и употребляемый местными жителями для «общения с духами» (манинкари) в целях получения практических знаний об окружающей природе и обретения целительных способностей. Основной компонент напитка — лиана Банистерииopsis каап. — *Прим. ред.*

² Прибор, позволяющий быстро воспроизводить повторяющиеся яркие световые импульсы. — *Прим. ред.*

³ Трущобы в городах Бразилии, часто расположенные на склонах гор. — *Прим. ред.*

Дождь кончился, но в тяжелом воздухе с листья все еще стекают капли, а звон цикад почти заглушает музыку радиостанции, передающей незатейливый бразильский фолк. Мы останавливаемся на большой поляне, где вокруг здания с черепичной крышей беспорядочно запарковано много машин. Это простое здание, совсем не похожее на церковь (в нем нет окон и дверей), а царящая внутри атмосфера скорее напоминает городское мероприятие или собрание жителей микрорайона, чем религиозную церемонию.

Я ПРЕДСТАВЛЯЮ
СЕБЕ
СЕНСАЦИОННЫЕ
ГАЗЕТНЫЕ
ЗАГОЛОВКИ:
«СЕКТАНТЫ
В ДЖУНГЛЯХ
ВЗЯЛИ
В ЗАЛОЖНИКИ
ПЕВЦА И ЕГО
ЖЕНУ».

На парковке и внутри здания толпятся множество мужчин, женщин и даже детей самых разных возрастов, а также вездесущих собак. Церковь освещают свисающие с потолка электрические лампочки без абажуров. Все одеты в синие и зеленые майки или рубашки, у некоторых пришиты золотые звезды. Наверняка это какая-то униформа. Наш водитель и его спутница снимают куртки, под которыми оказываются синие рубашки. В мою душу крадываются подозрения. Такого мы не

ожидали. Для меня униформа символизирует контроль, конформизм, ограничение свободы, а в данном случае она еще несет оттенок культа или секты. Я представляю себе сенсационные газетные заголовки: «Сектанты в джунглях взяли в заложники певца и его жену». Но с другой стороны, чувствовал бы я себя спокойнее, если бы окружающие меня люди выглядели, как укуренные маргиналы? Думаю, нет, но все равно я не в восторге от униформы.

Мы входим в ярко освещенный зал, нас встречают улыбками и знакомят с людьми, которые, кажется, являются выходцами из самых разных слоев бразильского общества. Многие говорят по-английски. После короткого обмена любезностями говорю, что я — певец, а моя

жена — актриса, и интересуюсь, чем занимаются они. «Мы знаем, — говорит одна женщина, — ты — очень известный человек. Мы с мужем работаем учителями».

Присутствующие на мероприятии оказались обычными людьми. Среди них были доктор, адвокат, пожарный, бухгалтер с женой, госслужащие, педагоги и программист. Ни одного наркомана. Если честно, я не знал, чего именно ожидал от этого мероприятия, но присутствие большой и дружелюбно настроенной группы людей меня обнадеживало.

«Вы в первый раз будете пить растительную настойку?» — спрашивает доктор.

Я никогда раньше не слышал, чтобы так называли то, ради чего мы сюда приехали, и предполагал, что слово «аяуаска» происходит от названия на одном из языков индейцев.

«Да, впервые».

Несколько человек понимающе улыбаются.

«Не волнуйтесь, все будет в порядке», — заверяет нас одна из учительниц.

Мы натянуто улыбаемся в ответ, стараясь подавить волнение.

В зале собралось около двухсот человек. Все расселись на пластиковые стулья с железным каркасом, расставленные вокруг стола в центре зала. Над столом — выкрашенная синей краской деревянная арка со словами LUZ, PAZ, AMOR, выведенными ярко-желтым цветом. Моего знания португальского языка хватает, чтобы перевести: «Свет, мир, любовь». Возвращаются наши ангелы-хранители — мужчина и женщина, что привезли нас сюда, и мы усаживаемся на передние ряды. Они говорят, что обязательно помогут, если у нас возникнут сложности.

«Сложности?» — озабоченно переспрашиваю я.

Смутившись, мужчина отвечает: «Вы можете испытать некоторый физический и эмоциональный дискомфорт. Но,

пожалуйста, не переживайте, и, если у вас есть какие-либо вопросы, я с удовольствием попытаюсь на них ответить».

Вокруг стола стоит пять или шесть стульев. Через боковую дверь в церковь входят несколько человек и направляются к столу. Наступает тишина. Вошедшие держатся и идут с большим достоинством. Я понимаю, что они наделены определенной властью и пользуются авторитетом. Вероятно, обстановка и драматизм ситуации искажают мое восприятие, но появившиеся в зале мужчины похожи на аскетов или мудрецов. Это — *mestres*, ведущие, ответственные за проведение церемонии.

Нам сообщают, что занявший место в самом центре мужчина средних лет является приезжим *mestre* из расположенного на севере страны города Манаус. Именно он будет проводить ритуал. У него глубоко посаженные, задумчивые глаза и немного лукавое, но доброе выражение лица. Взгляд такой, будто он смотрит на мир из глубины длинного темного туннеля. Такое ощущение, словно он знает какой-то занятный секрет, может рассказать интересную историю и поделиться тайной мудростью. Я заинтригован. На душе становится спокойней, когда я замечаю, как искренне он улыбается знакомым. Я вижу, что это добрый и располагающий к себе человек.

На столе стоит большой стеклянный контейнер, наполненный коричневой жидкостью. Я догадываюсь, что это и есть та самая легендарная и таинственная аяуаска, о которой я так много читал.

Mestre делает знак рукой, предлагая присутствующим выстроиться в очередь в проходе. Очередь выходит длинной, она вьется как змея, уходя в дальний конец зала. Судя по всему, мы с Труди оказываемся единственными неофитами. Нас вежливо провожают в начало очереди и дают по прозрачному пластиковому стаканчику. *Mestre* подставляет их под небольшой кран возле дна стеклянного контейнера.

Несмотря на торжественность церемонии, священная жидкость выглядит, как отработанное машинное масло, слитое из старого двигателя. Я нюхаю содержимое стаканчика и понимаю, что пахнет это так же неприятно, как выглядит. «Неужели мы будем пить эту дрянь? — подумал я. — Мы, наверное, сошли с ума».

Я переживаю из-за возможных осложнений и стараюсь отогнать мысли о том, что в эту минуту мы могли бы находиться в баре нашего отеля в Копакабана и, пританцовывая под звуки самбы, пить кайпириньи¹. Однако назад дороги нет. Мы с женой обмениваемся взглядами, как любовники из драматического фильма, готовые прыгнуть с высокой скалы. В зале раздаются звуки произносимой на португальском языке молитвы. Мы не в состоянии повторять слова молитвы вместе со всеми, поэтому я тихо и не без доли иронии бормочу: «Да поможет нам Господь». Потом все пьют.

«Что ж, до дна, — произносит любительница черного юмора Труды. — Понеслась».

Я умудряюсь пить залпом и с содроганием глотаю все содержимое стаканчика. Вкус омерзительный, но я с облегчением замечаю, что большинство присутствующих разделяет мое мнение. Это видно по выражению лиц и по тому, как многие набрасываются на конфеты-леденцы и лимоны, которые заранее раздали участникам церемонии. По совершенно непонятным причинам (разве что из горделивого ощущения, что я справился с настойкой как настоящий мужчина) я отказываюсь от предложенной конфеты, а мудрая Труды — нет. Один из *mestres* ставит на старый проигрыватель пластинку, и в зале звучит легкая и простодушная бразильская народная музыка. Пришедшие

---

¹ Кайпиринья (Caipirinha) — бразильский кисло-сладкий коктейль крепостью 25 градусов, состоящий из кашасы, лайма, тростникового сахара и колотого льда. — *Прим. ред.*

устраиваются поудобнее на стульях. Мы с Труды следуем их примеру, стараемся расслабиться под приятные мажорные трезвучия гитар и легкие ритмы танбура. Мы сидим и ждем,

---

Из того, что я прочитал про аяуску и трансцендентальные видения, которые она приносит, у меня возникла надежда, что если я попробую этот отвар в обстановке серьезного и ответственного ритуала, то, возможно, у меня появится более глубокое понимание родителей, а также самого себя.

не особо представляя, что будет дальше. Я начинаю дремать, дышу медленно и осознанно, стараясь успокоиться, и иногда украдкой поглядываю на окружающих.

Думаю, волновались ли во время прохождения этой церемонии Уильям Берроуз и Аллен Гинзберг? Писатель и поэт-битник попробовали аяуску в конце 1950-х. В то время она считалась культовым снадобьем, обязательным элементом становления нового этноса. Отвар лианы также называют словом «Айяуаска», вином души, корнем мертвых и много как еще, а история использования напитка тянется из глубины веков и неразрывно связана с религиозной философией и ритуалами индейцев бассейна Амазонки. Я читал, что аяуску варят из двух растущих в этом регионе растений: лианы *Banisteriopsis saari* и кустарника — растения рода психотрия под латинским названием *Psychotria viridis*. Активным компонентом снадобья является молекула, практически идентичная серотонину, а процесс ее химического воздействия на человеческий мозг сложен и мало изучен. Вскоре я узнал, что право на употребление аяуски закреплено в бразильской конституции, отвар не вызывает зависимости, а его использование может сопровождаться глубокими переживаниями.

Я оказался в Бразилии, потому что должен дать здесь несколько концертов, и буквально через пару дней я буду

выступать перед самой большой в своей жизни аудиторией. На концерт на стадионе Maracana в Рио продано более 200 000 билетов. Это своего рода апогей моего тура по Латинской Америке и одновременно поминки. Несколько дней назад умер мой отец, а матери не стало несколькими месяцами ранее. По ряду причин, которые я не хочу называть, я не был на их похоронах. Мне не нужно утешение в церкви. Часто пережившие боль утраты ищут покой именно там или на сеансах психоанализа. Кто-то пытается заниматься саморефлексией и размышлять в полном одиночестве. Другие прибегают к помощи медиумов и устраивают спиритические сеансы. Мне, несмотря на то что я агностик, тоже необходим обнадеживающий опыт. Я чувствую потребность провести ритуал, который поможет мне принять произошедшее, показать, что есть что-то, выходящее за рамки жизни и смерти, что-то, что имеет бóльший смысл, чем тот, который я могу себе представить.

Я очень тяжело пережил смерть родителей... Мне было сложно скорбеть по ним. И я был очень расстроен, но мне казалось, что я не давал выхода своим эмоциям, не реагировал на их кончину каким-то психологически естественным и понятным образом. Я не плакал, не пролил ни одной слезы. Я чувствовал себя оставленным, потерянным, сбитым с толку и холодным как лед. Однако я не был верующим человеком, и ни одна религия не годилась мне в утешители.

Из того, что я прочитал про аяуаску и трансцендентальные видения, которые она приносит, у меня возникла надежда, что если я попробую этот отвар в обстановке серьезного и ответственного ритуала, то, возможно, у меня появится более глубокое понимание родителей, а также самого себя.

Я не был большим поклонником так называемых recreational drugs, рекреационных или уличных наркотиков. Мой интерес к этим препаратам был коротким

и весьма поверхностным. И все же информация о свойствах аяуаски убеждала, что этот отвар позволяет получить впечатляющий опыт, способный изменить жизнь человека. Я чувствовал, что готов к тому, чтобы сделать этот шаг. Если этот опыт окажется для меня опасным с психологической или какой-либо другой точки зрения, то я могу сказать себе, что был достаточно взрослым человеком, чтобы пойти на риск, точно так же, как если бы решился покорить гору или сесть на мотоцикл. Во время разговоров с опытными дегустаторами аяуаски меня удивил тот факт, что они называют препарат не наркотиком, а медицинским средством. «Наркотик, — сказал один из таких людей, — мгновенно дает тебе награду — ощущение удовлетворения, будь то сигарета, алкоголь, кокаин или героин, но потом ты расплываешься головной болью, похмельем на следующий день или хуже — зависимостью. Выкури большее количество сигарет, и ты умрешь. Препараты традиционной медицины не дают тебе чувство моментального удовлетворения. В конце концов ты можешь остаться довольным результатом, но сперва тебе придется за это заплатить. Аяуаска является именно таким медицинским средством».

Я понятия не имел, что он имел в виду, но вскоре мне предстояло это узнать.

Прошло примерно двадцать минут. Музыка продолжает играть. Стул главного *mestre* церемонии не пустует ни минуты. Если он выходит из зала, то кто-то из помощников обязательно занимает его место. Во всем чувствуется убаюкивающее следование правилам, давно заведенному порядку и ритуалу.

Первым звоночком действия снадобья становится появившийся в голове высокочастотный звук, похожий на свист, которым зовут собаку. Кроме того, я чувствую, как все сильнее немеют губы и ощутимо падает температура тела. Меня начинает знобить, сначала не так ощутимо, но

потом все сильнее и сильнее. Ощущение холода разливается от ступней, волнами поднимается по ногам, и вот я уже весь трясусь. Не понимаю, что со мной происходит: то ли это естественная реакция организма, то ли мне просто холодно. Голова достаточно ясна, чтобы не поддаваться панике и стараться ровно дышать, но потом к горлу подступает тошнота, которая постепенно распространяется и на область живота. Кажется, внутри меня извивается змея, пытаясь вырваться наружу. Неимоверно хочется, чтобы меня вырвало, и я крепче впиваюсь пальцами в подлокотники стула и стараюсь дышать как можно глубже.

Внутри тела, по каждому сосуду и артерии, по ногам до самых пальцев и вдоль сухожилий рук движется что-то безжалостное и мощное. В пальцы рук хлынула энергия инопланетянина. Омерзительное послевкусие во рту кажется материальным воплощением страха, и я понимаю, что овладевшая мной химическая сущность гораздо сильнее меня самого. Во мне нарастает настоящая буря, а на улице снова раздается гром, раскатистое и зловещее предупреждение небес. Я поворачиваюсь к Труди. Видимо, она уснула, но я вижу, как под закрытыми веками в разные стороны дергаются глазные яблоки, а брови нахмурены, словно она о чем-то задумалась. «Да поможет нам Господь», — шепчу я, и на этот раз в моих словах нет ни капли иронии.

Кажется, что все присутствующие в зале находятся в точно таком же состоянии внутренней борьбы. Кто-то извивается на стуле, кто-то сдался и сидит, открыв рот, словно труп, некоторые кажутся спокойными и поглощенными галлюцинациями. Затем контрапунктом грому на зал обрушиваются звуки рвоты и рыганий.

Меня предупреждали, что это часть общего процесса, но ничто не способно подготовить к печальным звукам горестной и яростной музыки унижительного физического страдания. Я едва сдерживаюсь и вижу, как многие вскочили со стульев и бросились к выходу. Некоторые добегают

до выхода из зала, некоторые — нет. На полу стоят ведра с опилками, которыми можно присыпать лужи желчи.

Пожалуйста, дайте пройти, я не хочу, чтобы меня здесь вырвало, я не хочу оказаться в таком неловком положении, дайте мне пройти.

Наши *mestres* спокойно сидят за столом в центре комнаты, словно все происходящее вокруг них является обычным делом. Они тоже испили отвара, и, хочу заметить, в больших дозах, чем остальные, однако у них нет рвоты и дискомфорта.

Стоя у окна, одна несчастная душа, как мне кажется, изгоняет страшных демонов из внутренностей своего личного ада. Я затыкаю уши, стараюсь делать глубокие вдохи, но понимаю, что надолго меня не хватит. Я уже не дрожу, поселившаяся в животе анаконда яростно рвется наружу. На лбу и на груди появляются капельки пота, а глаза закатываются. Неужели я по собственной воле пошел на этот эксперимент? Похоже, я спятил. Никогда в жизни я не чувствовал себя так плохо и настолько испуганным... Раздается очередной раскат грома, мне становится еще хуже, и вот, когда кажется, что у меня уже нет больше сил сдерживать этот натиск, я слышу божественный, прекрасный голос *mestre* из города Манаус. Этот голос парит во влажном воздухе, наполняя зал сладким ароматом мелодии. Я закрываю глаза, чтобы мне было легче испить бальзам этой песни, и понимаю, что перенесся в огромный храм света.

Эта песня стала светом и цветом, обрела форму фантастической архитектуры Данте и Блейка, и я чувствую, что вишу под потолком, изогнутом куполом небосвода серафимов. Видения приобретают формы удивительных вращающихся геометрических структур: башен, туннелей, воронок и камер. Ясность и электрическая насыщенность видений кажется настолько чуждой обыденной жизни, что возникает ощущение, будто это вообще иная реальность. Но когда